

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Виктории Ивановой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

РАДУГА НА ЗЕМЛЕ
РАДУГА НА ЗЕМЛЕ. ПУТЬ К СЕБЕ

Виктория ИВАНОВА

РАДУГА
НА ЗЕМЛЕ

Роман

Москва, 2011
ЕРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
И20

Серия основана в 2004 году
Выпуск 227

Художник
С. А. Григорьев

Иванова В. В.
И20 Радуга на земле: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 412 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-0290-8

По законам жанра если героя заносит в другой мир, то он непременно становится самым сильным, самым умным... Ну да, все может быть. Только в моем случае сработал закон невезения, иначе почему никто не предупредил, что ко всему этому прилагается хвост, когти, чешуя и прочие радости жизни?! Человеком меня назвать теперь очень и очень затруднительно. Надеюсь, хоть в остальном повезет. Только, зная собственную «везучесть», на это рассчитывать не приходится. Мой вам совет на будущее: не лезьте в подозрительные места, это ничем хорошим не заканчивается!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0290-8

© Иванова В. В., 2009
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

*С благодарностью Лори и Панчу.
Ребята, без вас бы ничего не было.
Х. А. Г. Н.*

Э Ш Е С

Мастер Нармет ехал домой с очередного Большого Совета магов. Ничего нового на нем не прозвучало, но статус не позволял увильнуть от этого бесполезного мероприятия. Вопросы, обсуждавшиеся на этом заседании, мало отличались от предыдущих. Правда, на один интересный факт маг все же обратил внимание. Во всех обитаемых землях почему-то стали часто пропадать дети. Нет, такое, к сожалению, случалось и раньше. Но за-су¹ ребенка за проходящий цикл² не идут не в какое сравнение с ораэли³!

Конечно, можно списать все на напряженные отношения государств, пограничные стычки и прочие элементы беспокойной жизни. Но вот уже много циклов назад главы всех крупных государств заключили ряд соглашений о неприкосновенности мирного населения и о неуча-

---

¹ Э а — числительное «один», с у — числительное «два» (*шаэс.*).

² Ц и к л — единица измерения времени. Равен примерно земному году.

³ О р а э л и — десяток (*шаэс.*).

стии оного в военных действиях. В том числе и о неприкосновенности детей. Так что с возникшим фактом стоило разобраться. Ответственный за это маг пообещал прояснить вопрос в самое ближайшее время.

А дома ждал недописанный труд по сравнительной психологии нечеловеческих рас. Ведь как многое порой зависит от понимания друг друга. Даже просто от знания того, как мыслят те или иные существа, населяющие благословенный Шаэсс! Чем дальше, тем больше Мастер Нармет убеждался в том, что разумные совсем не стремятся понять как союзников, так и врагов. А жаль. Ведь сколько конфликтов можно было бы избежать, сколько войн предотвратить, сколько жизней сохранить.

Путешествие протекало так же, как и в прошлый раз, как и всегда. Желающих нажать себе врага в лице Мастера магии не находилось. На дверцах кареты серебрились знаки гильдии. А то, что Нармет по большей части теоретик и философ...

Неожиданно кони всхрапнули, карету дернуло и ощутимо качнуло.

— Что там случилось? — Экипаж у Нармета был собственный, но возницы — наемные. Содержать еще нескольких человек только для того, чтобы раз в год съездить на Совет, Мастер считал абсолютно ненужным.

— Да змеюка какая-то прямо под копыта ки-

нулась, ваше магичество! — раздраженно выдохнул один, пытаясь усмирить занервничавших животных.

— Змеюка? — Мастер заинтересованно приподнял брови: время-то для змей сейчас самое неподходящее. — И куда она делась?

— Да вон в те камни дунула, подлюка, — махнул рукой в сторону ближайшей кучи валунов второй возница, с силой натягивая поводья.

— Успокойте лошадей, я сейчас подойду... — Мастера очень заинтересовало ползающее не в сезон пресмыкающееся. А в душе поселилось нетерпение — верный признак того, что где-то за углом Нармета ждет какое-то открытие.

М-да, вот так «открытие»... Лежащее на земле, ободранное до крови, грязное до неузнаваемости и тихо стонущее. Но это явно был человек. В этом ошибиться было невозможно. Вероятно, неудачливый путешественник, жертва разбойников.

При приближении мага пострадавший приоткрыл глаза с необычайно расширенными зрачками и попытался что-то сказать на чужом языке. Активировать языковой амулет было делом мгновения, после чего язык раненого чужеземца стал понятен.

Наверное, его еще чем-то опоили, так как раненый постоянно бредил и терял сознание. Пришлось влить ему в рот бодрящего зелья и

помочь дойти до кареты. А там несчастного уже подхватили возницы...

Теперь уже путешествие не казалось скучным и однообразным. Найденыш, с головой завернутый в широкий плед, то тихо стонал, то метался и бредил. Звал каких-то друзей, что-то невнятно просил и кому-то доказывал, что ничего плохого он не хотел. Из его вскриков и стонов понять что-то определенное было невозможно. Иногда Мастеру даже казалось, что до дома они не доедут. А понять под слоем грязи, от чего именно страдает парень, было невозможно. Одно можно было сказать с уверенностью — никаких кровоточащих ран не наблюдалось.

Наконец-то под вечер карета влетела в городские ворота — и вот уже Мастер распорядился занести раненого в дом, уложить его в гостевой комнате. Эйша, экономка и кухарка Мастера Нармета, расплатилась с возницами и тут же принялась помогать. Хоть ее помощь сводилась к подаванию всяких мелких предметов, нескончаемый монолог помогал отрешиться от окружающего мира, чтобы магически прощупать парня. Теперь, когда с пострадавшего сняли обрывки одежды и отмыли от грязи, стало видно, что это молодой, едва справивший с-сейра¹ ве-

---

¹ С-с е й р а — числительное «шестнадцать» (*шаэс.*).

сен юноша. Худой до болезненности, бледный и какой-то уж очень слабый. Изнеженный даже.

И куда он один в дорогу собрался?

Парень явно был из знатных. Руки тонкие, гладкие. Кожа нежная. Даже мозолей от меча нет! Или на мага учится, или на служителя. Хотя даже в этом случае отсутствие загрубевшей кожи довольно странно. Ученики в первое время (да и потом тоже) используются в качестве бесплатной рабочей силы. Даже благородные. Если только учителя не вызвали на дом к обучаемому. Но этого практически никогда не бывает.

Только вот на службу парень все равно непохож — за все время ни единого поминания богов или чего-то похожего. Магический же потенциал у него довольно слабый. Так как же его угрозило?

Мастер не думал, что те немногие ссадины и ушибы стали причиной такого плачевного состояния. А вот уже почти не кровоточащие отметины... Это серьезно. Интересно, кто же их оставил? Признаков отравления, подобных тем, что демонстрировал найденыш... нет, по отдельности они встречались, но все вместе... Жар, слабость, обильное потоотделение, расширенные зрачки, апатия, бред... Надеюсь, он разглядел, кто же его укусил...

Ответ заставил забыть все надежды на спасение. Парень не просто невезучий. Он из той по-

роды людей, которые смогут порезаться в комнате, обитой мягкой материей. Где вообще ничего острого нет! Надо же, наткнуться так близко от города на радужную айсу! Змею, как считалось вымершую еще сушет¹ циклов назад! И это единственная змея, от яда которой не существует отдельного противоядия. Она вырабатывала как саму отраву, так и противоядие к ней. Но если получить первое не составляло труда, то как добыть последнее?..

«Извини, малыш, я ничем не смогу тебе помочь, — подумалось Мастеру. — Разве что облегчить твои страдания... Флакон с экстрактом серены золотистой стоит в самой середине стола. Ты получишь еще суи² ходов³ сил, здоровья и полноценной жизни. А потом тихо уснешь. Поверь мне, это лучше, чем медленно и мучительно умирать. Так будет лучше...

Единственное, что я еще могу тебе дать, так это надежду и удовлетворить те желания, что в моих силах. И не надо на меня так смотреть! Там, за Гранью, ты поймешь. Я в это верю...

Надо будет не забыть отправить Эйшу домой на суи шисов⁴. Думаю, раньше этого срока я от Кларина не уйду... И попросить ее принести

¹ Сушет — числительное «двести» (*шаэс.*).

² Суи — пара (*разг. шаэс.*).

³ Ход — единица измерения времени. Примерно соответствует земному часу.

⁴ Шис — единица измерения времени. Равен примерно земным суткам (*шаэс.*).

гостю тей-шерр. Блюдо из кухни змеелюдов, которое они готовят для своих детенышей, чтобы те быстрее росли. Оно лучше всего прочего утоляет голод и дает телу энергию. Надеюсь, ему понравится...»

Дверь за спиной мага мягко закрылась, отделяя его от горящего взгляда юноши. Нармет поклялся сам себе довести дело до конца и уведомить родственников найденыша о постигшей его участи. Может, они даже захотят забрать тело, чтобы похоронить его по обрядам своей страны...

Как жаль, такой молодой...

С-СЕШ-Ш¹ ЭА

Меня зовут Эдуард Клыков. Вернее, звали когда-то. Помпезно, конечно, но я не знаю, как иначе начать свой рассказ. Событий произошло много, и рассказывать о них сложно, потому что все кажутся важными и первостепенными. Еще труднее определить, о чем именно стоит рассказать, а о чем можно скромно промолчать.

И все же я постараюсь. Рассказывать о своей жизни с самого начала, с пеленок, не буду. Особо не о чем. Вполне обычная жизнь самого обычного человека. Никакого тебе с рождения ощущения избранности, никаких тебе ужасных

¹ Рассказ, повествование, глава, часть чего-то единого (*шаэс*).

и страшных семейных и прочих тайн... Ничего! Стандартный набор: детский сад, школа, вуз. Особыми достижениями в области общения и количеством друзей я тоже похвалиться не могу.

Семья тоже ничем не примечательная. Родители — служащие, как принято говорить. Отец работал менеджером в небольшой компании, а мать — бухгалтером на заводе. Мы не голодали, но и особого достатка в доме не водилось. Я был первым и последним ребенком у них. Конечно, сразу можно представить эдакого избалованного отпрыска, но увы. Мои предки очень ответственно подошли к воспитанию любимого чада, перечитав кучу всевозможной литературы...

Так что единственное мое «баловство» состояло в том, что в пятилетнем возрасте я сходил ночью в близлежащую лесопосадку. Тогда мы с друзьями хвастались друг перед другом своей смелостью. Ну, впрочем, как и любые другие дети. После этого мне пришлось месяц просидеть дома под строгим надзором, три раза в день выслушивая длинные воспитательные речи.

Уж лучше бы выдрали...

В школе я не принимал участия ни в каких мероприятиях. Как проводимых преподавателями, так и затеваемых остальными детьми. Даже в художественную самодеятельность родители меня не допускали, дабы не травмировать нежную и ранимую психику. Или что-то в

этом роде. Сначала мне перепало от одноклассников, и не раз, но потом меня просто перестали замечать.

Учителя родителей в школу не вызывали. Я так думаю, они их просто боялись. Ведь если явятся, так обязательно прочитают развернутую лекцию на тему воспитания ребенка. Очень уж «ответственные и серьезные» люди. Мать с отцом, напротив, не пропускали ни одного классного собрания, а иногда и без приглашения заявлялись в школу. Дабы собственными глазами увидеть, как дела у воспитуемого чада. Да, я знаю, что правильно говорить — воспитуемого, но, демоны мироздания, я был именно что воспитуемым! Неодушевленный предмет, который умеет говорить и за которым нужен постоянный надзор...

Одно радует: школу я закончил с «красным» аттестатом. Учителя, скорей всего, потом неделю из кафе не выходили, отмечая День разлуки с нашей семейкой.

В университет поступил по выбору родителей. Они заранее начали вести со мной беседы на тему будущей профессии. Мне было проще согласиться, чем доказать, что избранная ими стезя совсем не для меня.

Почему не настоял на своем? Наверное, смелости не хватило. Сейчас мне эта ситуация тоже кажется странной, а тогда... тогда все выглядело совершенно нормально и привычно. Я был со-

гласен учиться на кого, где и как угодно, лишь бы не слышать их извечного: «Эдуард, ты же знаешь...», с которого начиналась любая «лекция». Я чувствовал, что если я услышу это еще раз, то или выпрыгну из окна, или просто рехнусь.

Была у меня одна задумка, но для ее осуществления требовалось все же получить образование. Я хотел после окончания универа уехать куда глаза глядят. Очень далеко, так, чтобы не нашли. Устроиться там и начать СВОЮ, боги и демоны, свою ЛИЧНУЮ жизнь, ни от кого не зависящую! Скажете, ребячество? Но именно мечта не давала мне окончательно сломаться в это время.

Чем при выборе руководствовались предки? Не знаю. Скорее всего, количеством «друзей и знакомых» в данном учебном заведении. Хотя все экзаменационные задачи я решил правильно и самостоятельно.

Если быть с собой честным, то лекции я посещал потому, что так надо, так принято. А совсем не потому, что мне было там интересно. Была бы моя воля — ушел бы куда подальше...

Своего очередного дня рождения ждал с замиранием сердца. Мне казалось, что вот стану совершеннолетним — и все тут же переменится. Увы, не поменялось. Разве что, в худшую сторону. Как же, весна, тепло, птички поют, девушки гуляют. Только вот не со мной. Не подходил я

им почему-то, не подходил. А та, по которой я тайком вздыхал, только смеялась. И если сначала я еще мог отнести это на счет ее характера, то после того, как набрался храбрости и подошел поговорить...

В общем, выяснилось, что я ей не пара. Ростом не вышел, крепостью мышц не отличаюсь, «перспектив» у меня нет, предки за границей не работают, деньги пачками не разбрасываю. Эдакий классический «ботаник» в очках с толстыми стеклами, мокрыми ладонями и неуверенным поведением. Короче говоря, не прохожу ни по одному критерию, по которым она отбирает своих «кавалеров». В тот день я впервые попробовал вина. Карманные деньги были, вот на них и был куплен «зеленый змей». Не скажу, что помогло, но хоть какой-то опыт появился.

Из-за случившегося особо не страдал. Даже пил скорее из-за устоявшегося стереотипа: «Мне отказали — надо выпить». Наверное, просто из-за привычки никогда не получать желаемого. Хм, как странно... Сейчас я даже не могу вспомнить ее лица, а когда-то казалось, что не забуду никогда. Очень уж своеобразные это штуки: время и память.

Стоит ли говорить, что книги стали для меня самыми близкими друзьями? Я при малейшей возможности уходил в них. И часто, когда родители желали провести со мной очередную воспитательную беседу, уносился мыслями в вы-

думанные миры. Главное было вовремя кивать и опускать глаза. Собеседника им не требовалось. Да и моя кандидатура в роли одного вообще не рассматривалась. Никогда.

Если и искать какой поворотный момент в моей жизни, так это, скорее всего, будет поступление в вуз. Можно даже выстроить логическую цепочку: если бы я не поступил, то не познакомился бы с Сашком, не поехал к нему в гости... Не знаю, как тогда повернулась бы моя жизнь. Наверное, текла бы, как у всех. По окончании университета — поиски работы, потом семья (если повезет, конечно) и накатанная до твердости бетона колея дом — семья — работа.

А так... А так все вышло как есть. Сейчас, если у меня вдруг спросят, не хочется ли вернуться назад, твердо отвечаю: «Нет!» После того как почувствовал силу — вернуться к прежнему полурастительному состоянию равносильно смерти. Нет, это я, конечно, утрирую. Выжил бы, никуда не делся, но не хочу. Не хочу ничего менять. Даже о родителях вспоминаю очень редко. Мы не ссорились, но и близких отношений у нас не было. Поэтому меня не тяготила разлука с ними. Может, это жестоко или неправильно, но в этом отношении единственным испытываемым мною чувством было равнодушие. Сначала было некогда, а потом... незачем. Мне и так хорошо. Сейчас у меня есть все, чего я когда-либо мог желать. Даже то, о чем желать не доду-

мался просто в силу незнания. Пусть та же избитая и заезженная до невозможности колея дом — семья — работа. Но одно дело, когда эта дорога идет по мусорной свалке, и совсем другое, когда по радуге. Даже если эта радуга лежит на земле...

О чем это я? Да так, просто собираюсь с мыслями, чтобы если не до мелочей, то очень точно вспомнить, о чем хочу рассказать. Миксааш твердо заявил, что я должен записать все, что со мной произошло. И я ему верю.

— Эдька! Ты слышишь меня, придурок?! Да где же тебя носит?! — разнесся над лесом пронзительный женский голос.

Я тяжело вздохнул и окинул солидную вязанку дров неприязненным взглядом. Нет, ну отчего нельзя звать меня Эдом или, на худой конец, Эдуардом? Когда родители давали мне это имя, они явно не думали о том, каково с таким впоследствии будет жить любимому чаду. Кажется, они вообще обо мне не думали.

Когда я спросил у Сашка, отчего никто не зовет меня Эдом, тот, подхихикивая, хлопнул меня по плечу и проникновенным голосом сказал:

— Понимаешь, Эдька, ты хоть парень неплохой, мозговитый и все такое прочее, но на Эда не тянешь ну никак! Не та фактура, как говорят.

Вот если бы у тебя еще и мускулы были, как у Арни... О-о... Тогда бы ты и Эдом был, и Эдуардом, и вообще кем хочешь. И все наши девчонки штабелями бы складывались да на шее висли. А так...

Действительно, я даже на фоне всего потока — так... Никак, если говорить откровенно. Меня начинают замечать и называть другом, только когда подходит время какой-нибудь контрольной или другой письменной работы. Ну и еще на экзаменах, конечно. Тогда начинается: «Эдичка, милый. Ты же мне друг? Ты же дашь мне списать?..» И девчонки внимание обращают и в глаза заглядывают. А как сессия подходит к концу, радужные перспективы мрут на корню, не успев выпустить даже самого маленького всхода. Единственный человек на весь поток, который никогда не менял своего ко мне отношения,— Сашок. Он как-то сразу взял меня под свое покровительство, чем сразу уменьшил долю положенных слабым тычков и пинков.

Отчего и почему — понятия не имею и даже не представляю. Наверное, Сашок был из тех людей, в которых сила не будила звериные инстинкты, а раскрывала душу. Если мне когда еще придется с ним свидетелься — непременно спрошу.

Интересно все-таки.

— Клыков!! Да куда ты запропастился?!

Ну вот, даже поразмышлять нормально не дают... С тяжким вздохом я поднял охапку сушняка с земли и, придерживая кое-как, направился в сторону поляны. На майские праздники Сашок пригласил нас к своим родственникам, на природу. Место это находилось в самом настоящем лесу. Густом и диком. Да и добираться туда надо было целых полтора дня, на поезде. Но, даже несмотря на это, поехало человек двадцать с потока. Так что компания получилась довольно шумная.

Судя по реакции местных жителей на наше появление, мы произвели на них неизгладимое впечатление. Бабки крестились и сплевывали в сторонку. Мужики профессиональным взглядом оценивали содержимое больших пластиковых пакетов. А также на звук определяли, какие продукты (а особенно напитки) хранятся в объемистых рюкзаках за плечами. Местные же собаки просто исходили лаем.

Единственными, кто пришел в восторг от нашего появления, была молодежь. Хотя тут тоже просматривались варианты. Местные девчонки заглядывались на «городских» ребят, но делали это осторожно. А вот деревенские парни откровенно готовились почесать кулаки. Как же, такая развлекуха! Но в драку пока не лезли. И то радуется.

Вот только название Сашковой «фазенды» мне не очень нравилось. «Змеиная падь». Мно-

гообещающе звучит. Я вообще-то подобную живность не люблю. Ну боюсь я этих пресмыкающихся, боюсь! В каждой гадюка мерещится...

К тому же в поезде было скучно, и Сашок часа два морально готовил «отдыхающих», профессионально рассказывая страшилки и легенды про это место. Чтоб мы впечатлились и прониклись, в какое, цитирую, «реликтовое и овеянное славой место мы едем». А так как рассказчик он действительно был непревзойденный, то своего добился. Не знаю, как другие, но лично мне как-то перехотелось ехать «на природу». Но только показать этого я не мог. Поэтому пришлось смеяться наравне со всеми.

В общем, кинув вещи в сельском домике, половина прибывших (в которую входил и я) направилась в лесок. Нам надо было организовывать поляну. То есть подготовить место для костра, натаскать дров, приволочь с дачи достаточно длинный стол и кучу стульев. А вторая половина готовила салаты, вареную картошку и прочие не сильно обременительные яства. На самой же полянке меня послали за дровами.

Собрать-то я их собрал, и довольно много. Но вот силы не рассчитал, и теперь придется сделать две ходки, чтобы дотащить все до кострища. Да еще и из балки! Тоже мне умник, нашел куда дрова таскать... Как же, инженерская мысль выиграла. Это ж сколько раз придется ходить

вверх-вниз, чтобы обследовать все склоны? Не легче ли будет поскидывать все вниз, в одну кучу, а потом вытащить все единым разом наверх?.. Да, ну и кто меня после этого умным назовет?

Вот теперь Анька голосит на весь лес, как банныши, что дров до сих пор нет! Можно подумать, что я один за ними пошел... Вот сейчас приду и скажу ей... скажу ей... М-да, себе-то можно и не врать. Ничего я ей не скажу. Хоть это и недостойно мужчины, но Аньку я боюсь! Она же как асфальтовый каток! Наедет — и не заметит.

Причем не только в моральном плане. Физически от асфальтоукладчика она тоже не очень отличается.

Так что молча положу вязанку у костра и отправлюсь за второй, если еще куда не пошлют. Витиевато.

Ум-гум, послали... Далеко и надолго. Сашок, конечно, вступился. Сказал, что дров в округе не так уж и много (не одни мы тут шашлыки решили пожарить), так что если Ане что-то не нравится... И ему все сошло с рук! Меня даже соизволили похвалить с высоты божественного благоволения. Никогда не пойму, отчего в присутствии Сашка все девушки прямо-таки тают, как пластилин на солнце?

Хоть и была только середина дня — все равно пришлось идти в лес и собирать раскиданные

по всей балке прутики-веточки. Неожиданно в переплетении ветвей кустарника я заметил не то маленькую пещеру, не то большую нору. Из нее заманчиво торчала сухая ветка. Наверное, если бы не она, то я прошел бы мимо. А так — подумал, что вот еще ее возьму, и можно будет возвращаться. Ведь там, на поляне, наверное, уже все готово. Сейчас явлюсь и получу свою порцию горячего, жаренного на костре мяса. Р-романтика...

Я ухватился за торчавшую ветку и дернул. Никакого шевеления. Пошире расставив ноги, я уперся в землю и дернул снова, изо всех сил! Но вместо ветки под ногами поехала земля. От неожиданности я забыл разжать пальцы, со свистом и треском ухнув вниз...

Приземление оказалось не особенно жестким. Куча ветвей и листьев, скопившаяся внизу, частично смягчила мое падение, сильно оцарапав в отместку. Рядом, но не на меня, с громким шумом и шелестом рухнула давешняя ветка, посыпались комья земли.

Вытряхнув чернозем из-за воротника и кроссовок, я задрал голову, чтобы полюбоваться на смутно виднеющийся где-то вверху лаз. В скудном свете с трудом, но различалось, что выступающие из мягкой и рыхлой земли тоненькие корешки не выдержат веса моего тела. И наверх по ним влезть не получится. А толстой, способной выдержать мой хиленький вес ветки рядом

не было. Я сел на ворох мусора, прислушиваясь к доносящимся сверху звукам. Будут же меня искать...

Свет, вливающийся в отверстие, становился все слабее. Там, наверху, наступал вечер. А в балке, наверное, темнеет и того быстрее. Тут же, под землей, было к тому же холодно и влажно. А теплую рубашку и куртку я скинул на краю оврага. Распарился, таская дрова, вот и повесил на куст. Мол, на обратном пути заберу. Угу, тут бы сначала вылезти... оставшаяся же на мне футболка если и грела, то незаметно.

Когда от холода меня стало ощутимо трясти, я попытался согреться, бодро поскакав по яме и изображая что-то вроде зарядки. Даже поорал немного. Но ответом мне была только тишина. Даже громогласный Анькин голос не слышен. Никогда бы не подумал, что буду ждать его с нетерпением.

— Эй! Э-ге-гей!!! — Я сложил руки рупором и снова закричал. Может, кто-то пошел за мной? Может, они обеспокоились моим длительным отсутствием и уже ищут? Не могут же они просто так забыть о моем существовании! Хотя бы Сашок...

В ответ на мой призыв от противоположной стенки ямы что-то раздраженно зашипело. Из темноты, блестя серебристой чешуей даже при

таком мизерном освещении, медленно выползала большая змея. Она была ОЧЕНЬ странная. Подобных я не встречал ни в одной книге! Сперва показавшаяся просто серой, на самом деле чешуя была белой с еле заметной серебристой искрой. А поверх белого цвета какой-то шутник нарисовал черные тигриные полосы. Таких змей не бывает!

Хотя тут был еще один интересный момент. Змея двигалась неестественно. Вернее, немного не так. Она двигалась бы нормально, если бы под землей было бы так же тепло, как в середине лета. Но для только что проснувшейся или просто выползшей на холод твари это было невозможно — так двигаться! Но осознал я это позже. А сначала просто ощутил какую-то неправильность происходящего.

Тем временем змея выползла полностью. Она поднялась на хвосте и еще раз угрожающе зашипела, вздыбив гребень... У змей не бывает гребней! Особенно — таких... Яркий, переливающийся, раскрашенный во все цвета радуги, с костяными шипами на концах. И при всем при этом — складывающийся. Откуда я это узнал? Просто при мне он сложился и тут же снова раскрылся во всем своем великолепии.

Тянулся гребень от головы змеи и по всей длине гибкого тела как бы с перерывами. Ну или это было несколько гребней. Самый большой непосредственно за головой и более мел-

кие дальше к хвосту. У самого кончика вообще — кроха. На... висках, если это можно сказать в применении к змее, также раскрывались радужные веера. И все это, в сочетании с ярко-алыми глазами безо всякого намека на зрачок, завораживало с первого взгляда.

Глядя на это чудо природы, я застыл, как заколдованный, не замечая, что наступила полная темнота. Но змея... змея была видна до мельчайших деталей! До последней чешуйки на хвосте! Она собралась в кольца и разглядывала меня, словно была разумной. Поддаваясь завораживающей магии змеиного взгляда, я шагнул вперед и протянул руку. Не знаю, то ли мне хотелось удостовериться в ее реальности, то ли погладить... Но в ответ на это движение успокоившаяся было змея с невероятной скоростью прыгнула вперед, оплела протянутую руку и укусила меня в основание шеи!

Я вскрикнул, отшатнулся и попытался оторвать гадину. За что получил еще один болезненный укус в плечо. И только после этого гневно шипящее пресмыкающееся отлетело в сторону. Мои ноги подкосились... Эта змея... Она же, наверное, радиоактивная! Такая странная...

— Я тебя! — гневно выдохнул я, нашаривая палку поувесистей и разворачиваясь в сторону этой подлой чешуйчатой заразы...

Окружающая темнота взорвалась яростным

шипением. Казалось, оно исходит отовсюду. А по глазам остро резанула вспышка света. Я зажмурился и испуганно отшатнулся куда-то назад и вправо. Неожиданно теплая и рыхлая земля приняла мое тело, прогнулась и... осыпалась вниз. Увлекаемый собственным весом и незаконченным движением, я провалился в какой-то наклонный желоб, по которому с хорошей скоростью заскользил вниз.

Честно признаюсь — от страха я зажмурился и заорал. Когда об этом вспоминаю, то мне становится стыдно... Нармет мне всегда говорил, что страх — это малая смерть. А тогда я боялся до судорог, до дрожи в коленях! Конечно, уже и не вспомню, что конкретно тогда кричал. Вряд ли что-то внятное и осмысленное...

Не помню, сколько времени падал. Минуту, час, день, год... Даже самого падения не помню! После того как во второй раз провалился, сознание работало урывками. Очнулся оттого, что в глаза мне бил яркий и пронзительный свет от висящего в зените солнца. В ушах гром отдавался шум чьих-то шагов. Потом слышалось уже знакомое шипение где-то рядом, шуршание чешуи по камню и удивленный человеческий вскрик.

Я дернулся, желая предупредить о затаившейся поблизости змее, но тут мне на лицо лег-

ла чья-то тень, заслоняя от режущего глаза сияния. При виде склонившегося надо мной я настолько удивился, что забыл обо всем, даже о том, что где-то рядом затаилась радужная смерть. Несомненно, это был человек, но до чего же странный! Старик с бородой до пояса! Где сейчас такое увидишь? Разве что в какой-нибудь глухомани, в затерянных деревеньках Сибири. Только вот вряд ли в этих самых сибирских деревнях носят такую одежду.

Наверное, это называется мантией. Или нет, кафтаном... или что-то вроде этого. В общем, судите сами: одет этот старик был в длинное, до середины голени, нечто, отдаленно напоминающее пальто. Только совершенно невероятного покроя. С блестящей вышивкой и нашитыми цветными стеклышками. Спереди были еще кожаные вставки. И застегивалось это одеяние на ряд матово-черных пуговиц, расположенных с левой стороны. Из-под верхней одежды выглядывали плотные темные штаны, заправленные в мягкие запыленные сапоги на низком каблуке и перехваченные на лодыжке ремешками.

Кроме того, талию моего спасителя охватывал широкий шарф, завязанный на манер пояса. При ходьбе этот дед опирался на увесистый деревянный посох.

И лицо... Такого выражения у нас уже давно не встретишь. Пытливые, добрые, чуть насмешливые, выцветшие практически до белесого

цвета глаза с непритворным сочувствием и интересом разглядывали меня. Морщинистая, загорелая кожа, белоснежная густая грива волос, стянутая на затылке в хвост. «Аристократический» нос с горбинкой. Мягкая, приветливая улыбка...

— Вы... кто? — еле слышно прошептал я. Шея горела, как от ожога, а в горло словно песка насыпали с мелким щебнем вперемешку. Хотя следовало бы еще поинтересоваться, где я, но на это сил уже не хватило.

— Не бойся, мальчик, я тебе помогу... — Он опустился на колени, не пожалев свою добротную одежду, отложил посох, аккуратно снял с пояса ранее незамеченную мною флягу. Осторожно приподнял мою голову и влил в саднящее горло пару капель содержимого. Я не знаю, что там у него было, но в голове прояснилось, а боль от ушибов и ссадин куда-то отодвинулась.

— Где я? — уже более уверенно задал я вопрос.

— Тсс, тихо. Зелье скоро выдохнется, так что нам надо как можно быстрее оказаться у меня дома, — не допуская возражения тоном, но в то же время мягко ответил мне этот человек.

— Зелье? Дома? — Я не понимал, что происходит. Я вообще ничего не соображал, безвольно подчиняясь сухим, но на диво сильным рукам.

Мне помогли подняться и под равномерный

гул незнакомого голоса сделать пару шагов. Оказывается, я лежал совсем недалеко от оживленной дороги, в россыпи камней. Вернее, для него — недалеко. Мне же это путешествие показалось самым длинным и тяжелым в жизни.

А на дороге старика ожидала карета. Почему-то этот факт не вызвал у меня никакого удивления. Я все воспринял как само собой разумеющееся. Несмотря на то что светило солнце, мне было холодно. Тело било крупной дрожью, и, как говорится, зуб на зуб не попадал. В памяти тут же всплыло определение предсмертного бреда. А если в нем тебя куда-то везут... отчего бы и нет? Пусть... Пусть везут, лишь бы эта слабость и боль куда-нибудь делись...

Второй раз я потерял сознание уже в пути, поэтому дорогу не помню абсолютно. Ни дорогу, ни место, куда мы прибыли. Но, судя по тому, что на дворе была уже ночь, ехали мы долго. Может, останавливались, а может, и нет. Очнулся, когда меня, повинуюсь властным распоряжениям старика, вынимали из кареты и заносили в дом. Из-под укутывающего всего меня плотного куска материи я мог видеть только двери. Огромные, темного дерева... С причудливо изогнутыми металлическими ручками в виде странных незнакомых зверей. Скорее всего, мифических.

Меня пронесли внутрь, затащили на второй этаж и аккуратно сгрузили на кровать. Только

носильщики удалились, как вокруг меня и старца захлопотала героических пропорций женщина. Она охала, ахала, проклинала каких-то разбойников и душегубов, жалела неизвестного мне малыша, выговаривала старику, что он слишком легко одет... Казалось, что говорит только она. Причем ее совершенно не волновало, слушают ее или нет. В то же время она умудрялась каким-то образом выполнять четкие и сухие указания моего спасителя: подавала воду, странного вида пузырьки, чистые полотенца материи...

Она же помогла меня раздеть, просто срезав остатки одежды ножом. Не то чтобы я окончательно пришел в себя, но мне неожиданно стало стыдно. Что это она со мной, как с младенцем? Но на мои вялые попытки освободиться и все сделать самостоятельно даже внимания не обратили. Эта женщина быстро обтерла меня большим куском влажной материи и отодвинулась в сторону, позволяя старику пристально изучить все многоцветье ссадин и синяков. Особо пристально он разглядывал укусы, безжалостно вывернув мне шею до хруста в позвонках.

— Эйша, выйди, пожалуйста,— спокойным и ровным тоном попросил старик. Не прекращавшая своего бесконечного монолога толстуха вздрогнула, замолчала и как-то робко вышла в двери.

Дождавшись сухого стука захлопнувшейся створки, старик склонился надо мной и, требовательно глядя в глаза, спросил:

— Кто тебя укусил, мальчик?..

Говорить не хотелось абсолютно. Тело охватывала блаженная апатия, поднимаясь откуда-то снизу. Но ответить невниманием на все заботы своего спасителя я не мог. Поэтому тихо прошептал:

— Змея...

— Какая змея? Опиши мне ее, если не знаешь! — Да, там же разные противоядия... от разных змей... Но такой... может, они знают?

— Радужная...— Это все, на что меня хватило. Глаза слипались, тело просило отдыха, а сознание хотело уплыть как можно дальше.

Я не видел, как вздрогнул от моих слов седобородый старик. Как в его глазах плеснулось острое сожаление и непритворное сочувствие. Он даже как-то разом утратил свою уверенность и сгорбился. А потом, посмотрев на уставленный пузырьками столик, уверенно взял флакон с ярко-алой лентой на горловине.

— Пей!

От властного приказа с меня слетел весь сон. Я свел глаза к переносице, поглядел на флакон и залпом выпил его содержимое. По телу словно прошла волна прохладного воздуха. Какой там сон! Какой там отдых! Все мышцы напряглись и требовали действия. Я резво приподнял-

ся на локтях, заинтересованно оглядывая помещение. Кроме энергии во мне проснулся и дикий голод. Желудок протестующе заурчал. К голодовкам он приучен не был. Я смутился. Это ж надо — едва оклемался, как уже есть просит!

Но смотревший на меня с сочувствием старик не рассердился. Он только как-то виновато улыбнулся, встал с кровати и, направившись к двери, произнес:

— Я попрошу Эйшу принести тебе поесть.

— А вы куда? — не удержался от вопроса я.

— Не бойся, я скоро вернусь. Подожди немного, и ты сможешь задать мне все мучающие тебя вопросы... И ответишь на мои. Кстати, как тебя зовут?

— Эдуард Клыков...

Я растерялся. Не знал, что по моему лицу можно так явно прочесть все мои мысли. Ведь чего скрывать — действительно боялся, что он уйдет. Почему-то мне казалось, что рядом с ним ничего плохого не произойдет. И вопросов у меня была уйма. Они все толклись в голове, наступая друг дружке на ноги, так и норовили вырваться наружу. Но захлопнувшаяся дверь оставляла только ожидание и надежду на то, что в скором будущем все вопросы найдут свои ответы...

Еды мне действительно принесли много. Нет — очень много! Я сперва даже засомневал-

ся, смогу ли одолеть эту гору снеди. Но желудок считал иначе. Хорошо хоть та женщина, Эйша, ушла, оставив поднос на столе. Так что все время прошло в активном чревоугодии. Хотя родители и говорили, что много есть вредно, но я просто не мог удержаться! Все такое непонятное, необычное... Кроме того, вроде бы всегда считалось хорошим тоном съесть все подчистую. Мол, ты доверяешь хозяевам дома, ну и все такое. И где еще, кроме своего бреда, я увижу деликатесы?

И всего хочется, все такое вкусное... даже не знаю, куда в меня это поместилось! Но, только съев и выпив все, что было на подносе, я успокоился. И тут на меня неожиданно навалилась сонливость. Нет, все правильно. Поел — надо переварить. И желательно в горизонтальном положении. Спать, спать и еще раз — спать. А там и старик-хозяин вернется и на вопросы ответит, он же обещал. Надо только его дожидаться — и все будет хорошо.

Только вот в теле появился странный зуд и ломота. Кажется, зачесались сами кости. А в голове появился глухой, раздражающий звон. Наверное, это последствия действия лекарства. Спрошу об этом потом, когда мой спаситель вернется. Он же обещал.

Он сказал, что все будет...

Хорошо...

Мастер Нармет возвращался от своего друга, книжника Кларина, далеко за полночь. От странной встречи на дороге прошло уже сушиса, а совесть все не успокаивалась. Но он же действительно не мог сделать ничего другого! Только облегчить страдания парня. А завтра надо будет вызвать похоронную бригаду. Хорошо, что стражники на воротах видели, что он везет раненого, которого представил своим внуком. «Как там его зовут? Элхар Кессер, кажется. Такое необычное имя. Старинное. Жаль, я не успел узнать, кого следует известить о смерти парня. Даже если у него есть родственники — они явно проживают за пределами королевства Танар. Он непохож на обитателя этих мест. Наверное, в гости приехал...

Вот так вот. Приехал в гости и остался здесь навсегда. Вообще-то довольно странно, что разбойники промышляют в такой близости от города. Обычно внутренняя стража зорко следит за дорогами и порядком на них. Грабителей и прочих любителей наживы в пределах перехода от Танара не видели уже дай боги сколько циклов. А слышали только в сказках. Надо все же поинтересоваться у начальника Стражи, как же это так? Почему они не занимаются своей работой? Только родителям этого парня легче от объяснений не станет».

Размышляя таким образом, Мастер поднялся на крыльцо, отпер тяжелую дверь и вошел в

полутьму помещения. Не зажигая света, прошел на второй этаж, толкнул дверь гостевых покоев и пораженно застыл на пороге. В неверном, серебристом свете взошедшей Ашер матово отсвечивала светлая чешуя змеелюда, спящего на кровати. Тонкие черные полосы, словно странные разомкнутые обручи, обнимали все тело и казались ночными тенями, чередующимися с серебристыми бликами, когда спящий поворачивался. Мощный змеиный хвост нервно подергивался, сбивая одеяло в ком. Тонкая рука, изредка сжимавшая подушку, оканчивалась угольно-черными треугольными когтями. Мастер не сомневался, что и вторая, спрятанная под одеялом, вооружена не хуже.

Отсутствие гребней или шипастых наростов говорило о том, что змеелюд еще очень молод. Первая ступень, не иначе. Эшес. Худой до болезненности. Бедняга, интересно, сколько он не ел?.. Но... Радужный змеелюд?! Такая расцветка может быть только у них! Серебро и чернота... Представители этой расы не такие уж частые гости даже в столице Танара, а радужных среди них не было со времен Объединения! Да и что вообще подобный гость делает в его доме? Вот уж точно судьба расщедрилась на неожиданные встречи...

Спящий тихо вздохнул и повернул лицо к

окну. Холодная, беспристрастная Ашер осветила тонкие, чуть заостренные черты.

— Элхар?! — Имя вырвалось непроизвольно. В висящей тишине оно прозвучало не громче дуновения ночного ветра. Но хватило и этого. Змеелюд резко распахнул алые миндалевидные глаза, резко сев на кровати. Хвост взбил одеяло и соскользнул на пол, когти с тихим треском прорвали тонкую ткань подушек, освобождая из плена ткани облачка белоснежного пуха. Черные губы дрогнули, выпустив наружу чуть свистящее:

— А я ш-ждал...

Нармет невольно отшатнулся. Парень подался вперед, хвост скользнул вниз, кольцом свившись перед ним и приковав недоуменный взгляд Элхара. Он настороженным взором резко расширившихся глаз проследил за серебрившимся хвостом, уткнулся в собственное, покрытое черно-серебристой чешуей тело, отстраненно освидетельствовал руки и тихо-тихо, едва слышно спросил:

— Что со мной? Что произошло?!..

Мастер услышал в голосе парня нотки паники. И сам испугался. Несмотря на свое хилое сложение, даже этот молодой змеелюд способен, не особо напрягаясь, разнести весь дом по камешку. А что он способен натворить на улице, где ходят люди... не то чтобы Нармет был таким уж сознательным гражданином, но он чув-

ствовав себя ответственным за этого парня. Словно он действительно нашел своего внука. Давно потерянного, без надежды на возвращение.

Поэтому Мастер магии смело сделал шаг вперед и тихо, но твердо потребовал:

— Успокойся! Ты мужчина или кто? — Он осторожно присел на край кровати и обнял паренька за плечи. Хвост тут же обвился вокруг его талии, ощутимо сдавив тело.— Ничего страшного не произошло. Ты жив — разве это не удача?

— Да? — Змеелюд вскинул на Нармета свои миндалевидные глаза.— Я стал непонятно кем! Это что, хорошо? — Голос звучал заметно спокойней, только в нем прорезались какие-то обреченно-злые нотки. Словно юноша уже привык к тому, что Судьба не балует его своей милостью. Но до конца не смирился, бунтуя против рока.

— Ты жив, парень, а это самое главное. После укуса радужной айсы не выживают вообще,— наставительно ответил Мастер, чуть сильнее прижимая казавшееся таким хрупким тело к себе.— Поэтому радуйся, коль боги тебя настолько любят, что решили дать другую жизнь, Элхар Кессер.

— Кто? — удивился парень. Во время речи мага он постепенно успокаивался, кольца хвоста ослабляли хватку. Только услышав имя, но-

воявленный змеелюд вздрогнул, недоуменно посмотрев на Мастера.

— А разве это не твое имя? — искренне удивился Нармет.— Ты же сам его вчера назвал. Хотя... знаешь, если даже тебя зовут не так, то после своего второго рождения можешь принять любое,— неожиданно предложил он мальчишке.

— Да?..— Парень задумчиво осмотрел комнату. Задержал взгляд на распахнутом окне, в которое заглядывали уже обе луны — серебристая Ашер и золотистый Келес. Чуть повернул голову, словно прислушиваясь к чему-то отдаленному. Вновь посмотрел на свои руки и, повернувшись к магу, спросил: — Скажите мне, только честно, вы слышали о таком городе, как Москва? Или, может быть, о материке Евразия?

— Нет,— не задумываясь ни на миг, ответил Мастер.— Я никогда не слышал тех названий, что ты произносишь. И, как мне кажется, никто в этом мире их не слышал.

— Почему-то именно так мне и показалось...— задумчиво ответил парень. Хвост отпустил мага, обвинив своего хозяина и выставив одно кольцо вверх. На него парень опустил сцепленные руки, опершись на них подбородком.— Я так и подумал...

— Что ты подумал? — любопытно спросил Нармет.

— Вы... вы поверите, что я из другого... мира? — чуть запинаясь, произнес он.

— Вполне возможно,— пожал плечами Мастер.— Миров бесчисленное множество. Я не знаю твоего языка, да и выглядишь... прости, выглядел ты странно.

— Не знаете языка? — удивленно вскинул голову парень.— А как же мы тогда разговариваем?

Маг молча достал из-за пазухи прозрачный голубоватый кристалл на витом шнуре.

— Вот, смотри. Это амулет языков. Сейчас он активирован, так что я понимаю твою речь, а ты — мою. Но тебе придется учить местный язык, иначе рискуешь остаться без собеседников...

— А... вы мне поможете? — развернувшись всем телом, с какой-то опасливой надеждой спросил змеелюд.— Правда? А... за что?

Хвост нервно свился в кольца, сметая с кровати уцелевшие подушки.

— Понимаешь, малыш,— тихо начал Мастер магии, складывая руки на коленях,— не знаю, как тебе сказать. Если уж мы начали так открыто... Есть несколько причин. Ты можешь сам их расставить так, как тебе хочется. Одна — любопытство. Я никогда не видел радужных змеелюдов воочию. Только на картинках в старинных трактатах. Так что изучение их поведения, возможностей, состояния стало бы для меня луч-

шей платой за всю помощь, которую я смог бы оказать тебе. Еще одной причиной является то, что я чувствую себя ответственным за тебя. Ты рано или поздно узнаешь... наверное, лучше сказать сразу. Тот декокт, что я тебе давал, — это был яд. В нашем мире после укуса радужной змеи умирают долго и мучительно. Я хотел облегчить твои страдания... а ты выжил, и теперь я несу за тебя ответственность...

Хвост нервно шевелился, в результате чего постель сбилась в единый, слабо поддающийся опознаванию ком. И если при первых словах Мастера парень недоверчиво фыркнул, то теперь — застыл неподвижно. А когда Нармет замолчал — тихо-тихо осведомился:

— Это... это правда? Про яд?

— Да,— просто ответил Мастер, твердо глядя в глаза змеелюду.

Парень снова опустил голову на руки, чуть сторбился, неподвижным взором уставившись в пол. Его хвост, верный показатель настроения, бессильно свесился с кровати. В комнате повисла тишина... Заглянувший в окно на смену серебристой Ашер золотой Келес окрасил чешую застывшего серпентера в теплый цвет белого золота.

— А знаете,— совсем тихо, словно боясь нарушить звенящую от нетерпения тишину, произнес Элхар. — Он оказался очень вкусным. И еда — тоже. Очень вкусной...